

22. Chiapello E., Fairclough N. Understanding the new management ideology: a transdisciplinary contribution from critical discourse analysis and new sociology of capitalism. *Discourse & Society*, 2002, vol. 13 (2), pp. 185–208.
23. Fairclough N. *Language and Globalization*, New York, Routledge Publ., 2007, pp. 11.
24. Jacquiment M. Transideomatic practices: Language and power in the age of globalization. *Language & Communication*, 2005, no. 25, pp. 257–277. Available at: www.elsevier.com/locate/langcom.
25. Kuzmanić T. A., Sedmac S., Kobeja B. *Managerial discourse as an aspect of globalization: from self-management to management*. Available at: www.fm-kp.si/zalozba/ISBN/961-6573-03-9/kuzmanic.pdf.
26. Skutnabb-Kangas T. Language Policy and Linguistic Human Rights. *An Introduction to Language Policy*, Oxford, Blackwell Publishing Publ., 2006, pp. 273–291.
27. Skutnabb-Kangas T., Phillipson R. The Global Politics of Language: Markets, Maintenance, Marginalization, or Murder? *The Handbook of Language and Globalization*, Oxford, Malden, WILEY-BLACKWELL Publ., 2010, pp. 77–100.
28. Swaan de A. *Words of the World*, Oxford, Blackwell Publishers Publ., 2001. 247 p.

САМОРАЗРУШЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Бойцова Ольга Юрьевна, доктор политических наук, профессор

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, ул. Ленинские горы, 27
E-mail: olga.boitsova@gmail.com

В современном политическом дискурсе со становлением и совершенствованием гражданского общества, как правило, связываются надежды на реализацию позитивных сценариев социального развития. В то же время, специалисты, разрабатывающие проблематику гражданского общества, с трудом приходят к согласию по важнейшим позициям – будь то вопрос о сущности гражданского общества или о его структуре, взаимоотношениях с государством и личностью, роли в современных условиях и пр. Это делает анализ теоретических оснований концепции гражданского общества предельно актуальным. Статья рассматривает конституирующие принципы гражданского общества и показывает, что заложенная в них тенденция релятивизации ценностей и норм ведет саморазрушению его оснований.

Ключевые слова: гражданское общество, общество культурного плюрализма, ценностная ориентация, приоритет права, социальные практики, легализация, легитимация, релятивизация норм

SELF-DESTRUCTION OF CIVIL SOCIETY AS THEORETICAL PROBLEM

Boitsova Olga Yu., D.Sc. (Political Science), Professor

M.V. Lomonosov Moscow State University
27 Leninskie gory st., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: olga.boitsova@gmail.com

There are positive social development alternatives generally associated with the hopes for development of civil society in modern political discourse. However researchers find it hard to come to agreement on key positions – is whether the question of civil society substance or its structure, relation between the State and the individual, role in modern conditions, etc. This makes the analysis of the theoretical bases of the concept of civil society extremely important. The article deals with adapting to the constitutive principles of civil society and shows that behind the trend are Relativizing the values and norms is self-destruction the reason. The article focuses on constitutive principium of civil society and suggests that in-built tendency to relativization of values and norms leads to self-destruction of its foundations.

Keywords: civil society, culturally pluralistic society, value system, the priority of the right, social practices, legislation, legitimation, relativization of norms

Понятие «гражданское общество» относится к числу неопределенных, но при этом активно используемых в мировой политической науке терминов. Задачи его концептуализации – прояснения объема и содержания, выявления сущностно важных констант и ситуативных параметров, анализа исторической эволюции и национальной специфики, определения места в дискурсе, разграничения с другими понятиями и пр. – сформировали особое направление в политической теории⁴.

Консенсус в научном сообществе по всем этим вопросам пока не достигнут. К тому же в процессе дискуссий возникают все новые и новые сюжеты, требующие более глубокого исследования и более детального прояснения позиций. Так, к традиционным вопросам о структуре и границах гражданского общества, его взаимоотношении с государством и личностью, о роли права и способах влияния на власть добавилась тема изменения роли гражданского общества в современных условиях. В частности, это обусловило появление теоретических подходов, характеризующих гражданское общество как «глобальное» или «национальное», «плохое» или «хорошее», а также поводящих его демаркацию с «буржуазным обществом», «политическим обществом» или же, к примеру, с «негражданским обществом», которое, в свою очередь, делится на «догражданское», «внегражданское» и «псевдогражданское» [2, 6, 22, 27, 30].

Анализ оппозиции «государство – гражданское общество» по-прежнему занимает центральное место в дискурсе. Разброс трактовок их соотношения значителен – от позиции этатистского патернализма (государство как источник, цель, гарант и политический руководитель гражданского общества), до признания принципа «игры с нулевой суммой» (чем сильнее государство, тем слабее гражданское общество) [2, 3, 5, 9, 14, 23 и др.]. В то же время, значительна роль концепций, разрушающих данную дихотомию. Они претендуют на преодоление ставшего анахроничным противопоставления государства и гражданского общества и выработку адекватного современным реалиям решения проблемы. Так, один из подходов, идущий от политической философии А. Грамши [4], отделяет гражданское общество не только от государства, но от «экономического общества» и вводит «трехчастную модель» (государство – бизнес/экономическая сфера – гражданское общество) [10]. Другой, вслед за Ю. Хабермасом [24; 25, 32; 33], пересматривает социально-философские основания традиционной оппозиции и вписывает концепт гражданского общества в коммуникативную парадигму «жизненного мира».

Все эти темы, как и осмысление внутренней динамики триады «личность – гражданское общество – государство», безусловно, являются научно значимыми и достойны пристального внимания исследователей. Однако в данной статье они останутся вне рассмотрения, речь пойдет о внутренней диалектике гражданского общества, а точнее, – о тенденции самоотрицания, заложенной в его конституирующих принципах. Представляется важным рассмотреть эту тенденцию саму по себе, «в чистом виде» – независимо от взаимодействия гражданского общества и «внешних» по отношению к нему элементов, будь то личность или государство.

Место данной проблемы в современном «дискурсе гражданского общества» не очевидно. Она, безусловно, не является абсолютно новой. Основные контуры ее уже были очерчены в истории мысли – в первую очередь, в философии Гегеля, поставившей вопрос о необходимом отрицании-снятии гражданского общества как процессе, детерминированном логикой развития идеи. Сегодня связанные с этим тезисом вопросы затрагиваются в различных по тематике работах, и в то же время, вряд ли можно говорить даже о том, что проблема со всей четкостью и ясностью поставлена. Скорее, следует признать, что она лишь в определенной степени обозначена [10, 11, 16, 19, 20, 23, 28, 31].

---

⁴ Литература по данной проблематике в научной периодике последнего десятилетия обширна [см., к примеру: 1, 5, 6, 8, 15, 16, 17]. Интересный обзор отечественных исследований дан в работе Я.А. Пляйса [18].

Прежде всего, сложность заключается в определении того, что именно следует считать сущностными, конституирующими принципами гражданского общества. Возможны три варианта решения этой задачи: (1) защищать позиции одной из участвующих в дискуссии концепций; (2) предложить новую версию, способную учесть ошибки и преодолеть теоретические слабости всех предшествующих трактовок; (3) принять в качестве базовых те положения, по которым научное сообщество достигло консенсуса. Каждый из вариантов представляет собой достойную уважения научную стратегию, но в данной работе приоритет надо отдать именно третьему подходу, который, собственно, и маркирует границы «дискурса гражданского общества». Ведь если бы не было сходства (если и не единства) позиций, хотя бы в отношении основных содержательных элементов понятия «гражданское общество», то дискурс был бы невозможен.

На роль «точек согласия», важных для рассмотрения поставленной проблемы, с полным правом могут претендовать следующие положения:

- гражданское общество является сложно структурированным образованием, для которого характерны целостность и органическое единство⁵;
- базовым структурным элементом гражданского общества выступает автономная ассоциация (группа, движение, корпорация), для которой свойственно внутреннее единство интересов и ценностных ориентаций, благодаря чему она отличает себя от других элементов⁶;
- ассоциация нацелена на активное социальное действие, связанное с защитой ее ценностей и реализацией ее частных интересов во взаимодействии с другими, поэтому корректно говорить о ней и как об определенной социальной практике⁷;
- возможность достижения ее целей связана с институционализацией (выработкой, утверждением и организационным закреплением нормативных регуляторов) и легализацией (правовой легитимацией) деятельности⁸;
- пределы свободы действий каждой ассоциации/социальной практики устанавливаются правом, которое наделено универсальной силой легитимации;
- признание абсолютной значимости права является фундаментальным элементом социального консенсуса и, соответственно, условием возможности гражданского общества.

Итак, принципиальная особенность гражданского общества – сосуществование множества взаимодействующих социальных практик с различной ценностной ориентацией. Важнейшая его задача – утверждение общеобязательных регуляторов, обеспечивающих его целостность и определяющих как это взаимодействие, так и саму возможность подобного сосуществования, то есть, – нормативизация плюрализма частных интересов и конституирующих отдельные практики ценностей путем их легализации.

Все эти характеристики гражданского общества многократно описаны и детально исследованы в научной литературе, поэтому представляется излишним прибегать к дополнительной аргументации. На чем следует еще раз заострить внимание, так это

---

⁵ Важно, что просто сосуществование в одном политическом пространстве соперничающих или сотрудничающих групп интересов не признается фактом наличия гражданского общества [3, 9, 10, 17, 34].

⁶ «В определенном смысле все акторы гражданского общества ограничены тем, что они считают высшими моральными основаниями собственной позиции в противоположность всем остальным» [35]. Именно поэтому гражданское общество рассматривается как представление частных интересов.

⁷ В силу этого в структуру гражданского общества включаются непременно активные в социальном плане организации, группы, движения.

⁸ Неинституционализованные движения выступают как элементы «догражданского» или «внегражданского» общества [2], а институционализованные, но нелегализованные (к примеру, организованные преступные группировки) не могут претендовать на вхождение в структуру гражданского общества.

на двух моментах: во-первых, на конституирующей роли ценностей для каждой ассоциации/социальной практики; во-вторых, на консенсусном характере признания права высшей регулирующей инстанцией, что определяет готовность всех элементов гражданского общества подчиняться установленным правовым требованиям. Данные моменты надо подчеркнуть именно потому, что их совмещение, собственно, и рождает главную «интригу» гражданского общества – тенденцию его самоотрицания.

Это происходит потому, что легитимация практик, основанных на различных, порой несовместимых, ценностях и подчиняющихся разным внутренним нормам, с необходимостью влечет за собой признание ограниченности действия данных регуляторов рамками определенной практики. В противном случае (если такого ограничения не происходит) неизбежно реализуется один из двух сценариев, которые в равной степени разрушают фундамент гражданского общества, поскольку исключают возможность единства многообразия.

Первый – автаркизация структурных элементов, каждый из которых рассматривает ценностные основания собственной ассоциации как абсолютные и дистанцируется от «ложных ценностей» других. Даже если исключить конфликтное, силовое противостояние (поскольку в этом случае ни о каком социальном единстве речи быть не может), данный сценарий связан с ситуацией, предполагающей замкнутость, разобщенность, независимое друг от друга сосуществование, минимизацию, если не полное исключение, взаимодействия с ассоциациями, придерживающимися иных ценностных ориентаций. Очевидно, что это означало бы распад, и гражданское общество уже не могло бы выступать не арифметическим, а органическим единством. Второй сценарий – универсализация, при которой абсолютная значимость придается определенным ценностям⁹, а все, им не соответствующее, исключается как «псевдоценность». Здесь речь идет фактически о ликвидации ценностного и нормативного плюрализма, что также означает невозможность гражданского общества.

Сосуществование и взаимодействие различных в ценностно-нормативном измерении практик обеспечивается лишь признанием того, что «чужие» ценности в принципе могут быть столь же значимыми, как и «свои». А это влечет за собой весьма серьезные последствия.

Прежде всего, принципиальная релятивизация базовых ценностно-нормативных оснований ассоциации означает размывание конституирующей основы гражданского общества. Для каждой ассоциации образующие ее принципы лишаются абсолютной значимости и приобретают конвенциональный характер – принимаются на условиях консенсуса в отношении основных ценностей, признаваемых в рамках определенной социальной практики. По сути дела, ценности и нормы становятся результатом индивидуального выбора и/или консенсуса и оказываются в зависимости от решения индивидов входить или не входить в данную ассоциацию, подчиняться или нет ее требованиям и предписаниям¹⁰.

Идея относительности ценностей имеет достаточно серьезную традицию теоретического обоснования, которая, активизировавшись во второй половине девятнадцатого столетия, в двадцатом утвердилась настолько, что стала специальным объектом критики: можно

---

⁹ Основания для такого признания могут быть различными – к примеру, традиционность для данной культуры, признание большинством ассоциаций, идеологическая актуальность для международных отношений, соответствие стратегии политического руководства и пр.

¹⁰ Именно поэтому добровольность вхождения в ассоциации в ряде концепций признается одним из стержневых принципов гражданского общества: «Обобщая исследовательские подходы к пониманию сущностных и системнообразующих характеристик гражданского общества как феномена общественной жизни, которые приняты в современной зарубежной литературе, прежде всего необходимо отметить, что чаще всего в работах обращается внимание на добровольность тех ассоциаций, которые входят в состав гражданского общества. По этому вопросу имеется очевидный исследовательский консенсус» [22].

вспомнить, к примеру, разоблачительный пафос в рассуждениях Л. Штрауса об «историчизме» [29] или горечь утраты в обвинениях А. Макинтайра в адрес «эмотивизма» [13].

В конце XX в. проблема относительности норм была предельно заострена постмодернизмом [9, 19, 20, 21]. На это следует обратить особое внимание, поскольку данная парадигма явно и недвусмысленно соотносима с базовыми ориентирами гражданского общества – в ней также стержневой идеей выступает отказ от абсолютности ценностей, а центральное место занимают плюрализм, культурно-ценностная автономия, децентрализация и минимизация регламентации «сверху» и пр.

Фундаментальным моментом в постмодернистской стратегии нужно признать требование «эпистемологического разрыва» с традиционными формами познания – отказа от противопоставления познающего субъекта и познаваемого объекта и признание их неразрывной взаимосвязи и взаимовлияния, что делает результаты постижения действительности принципиально контекстуальными. Следствием этого является «развенчание» истины как достоверного знания о действительности: количество «образов реальности» неограничено, и ни один из них не может претендовать на статус объективности и общезначимости. Все они зависят и носят относительный характер, их истинность ограничена рамками определенного дискурса, не сравнимого по степени ценности или достоверности с другими. В этой ситуации адекватным принципом познания может быть только глобальный плюрализм, требующий релятивизации всех авторитетов и ценностей, преодоления всех границ и условностей, выхода за пределы бинарной логики ради смысловой многозначности.

Постмодернизм проводил этот принцип с максимальной последовательностью, прослеживая и фиксируя все теоретические и практические следствия, из него вытекающие. Так, в условиях равновесности дискурсов присвоение определенным утверждениям статуса истин или заблуждений с неизбежностью оказывается актом свободного выбора. Ведь преимущество одного варианта перед другим ни на чем не основано, поскольку нет и не может быть некоей универсально значимой инстанции, способной служить эталоном и задавать объективные критерии для их сравнения. Поэтому все версии равноценны, а следовательно, в равной степени легитимны. Стремление же навязать результаты какого-либо одного выбора, объявив их общезначимыми, — ни что иное как принуждение, связанное с применением власти.

Суть властного принуждения – независимо от его формы и силы – заключается в насильственном установлении нормы, то есть в ограничении количества возможных вариантов, разделении их на дозволенные и недозволенные, принятые и не принятые, правильные и неправильные. Подобное ограничение связано с закреплением специфики лишь определенных, конкретных, частных практик, не имеющих никаких преимуществ перед иными способами видения и трактовки реальности. Оно решает задачу фиксации приемлемых для определенной социальной группы образцов взаимодействия и потому имеет значение только в рамках данной практики и данного дискурса.

Признавая неразрывность связи нормы и власти, подчеркивая, что установление нормы есть реализация воли, постмодернизм придает любому нормативному регулированию политический характер¹¹. Властные отношения как отношения принуждения «разлиты» повсеместно – везде, где присутствует нормативный образец, выполняющий регулятивно-директивную функцию, присутствует и власть. Сфера политики глобализируется: политическим оказывается любое отношение и действие, связанное с регламентацией.

Итак, постмодернизм благодаря последовательному проведению принципа глобального плюрализма, сделал явным тенденцию к саморазрушению, заложенную в базовых ориентациях гражданского общества. Релятивизация основ ценностно-нормативного регулирования неизбежно ведет к признанию волюнтаристического характера их установления, а в итоге переводит нормативное регулирование в формат

---

¹¹ Следует особо отметить, что синонимичность любой власти и принуждения, с одной стороны, и политики, с другой, – аксиоматическое допущение постмодернизма.

игры. При таком положении дел задача гражданского общества – нормативизация плюрализма – оказывается невыполнимой. Ведь если никакие нормы не могут претендовать на всеобщую значимость, то никакой порядок взаимодействия разнородных ассоциаций также не будет иметь под собой фундамента. Легализация как отнесение в правовой норме, имеющей всеобщий характер и в силу этого требующей обязательности признания, оказывается невозможной, поскольку любые нормы признаются ситуативными, ангажированными, определенными политической волей и конъюнктурой. Принципиальная необоснованность нормы ставит под вопрос и всеобщую значимость права как верховной инстанции легитимации плюрализма гражданского общества.

В теориях гражданского общества релятивизация ценностей не носит столь радикального характера. Только частные нормы и ценности, конституирующие отдельные практики, признаются относительными, а вопрос об основаниях легитимности той или иной социальной практики решается путем признания подчиненного положения частных интересов и ценностей по отношению к внешней ценностно-нормативной системе, предписания которой маркируются как императивы высшего порядка, характеризующие общезначимостью и общеобязательностью. В качестве таковых чаще всего выступают нормы права, защищающие ценностные принципы свободы и толерантности. В данном случае для обеспечения возможности плюрализма используется принцип ценностной нейтральности «высшего арбитра», в роли которого выступает государство, проводящее политику мультикультурализма. Еще один подход, не апеллирующий к государству, предлагает хабермасовская традиция [32, 33]. Согласно ей координация различных социальных практик осуществляется благодаря метанормам симметричной реципрокности, возникающим в процессе коммуникации. Имеются в виду нормы или принципы, по которым может быть достигнут консенсус всех заинтересованных сторон – то есть тех, кого они могут затронуть. Однако и в этом случае обоснованию не удается остаться «в горизонтальном измерении», поскольку «высшим арбитром» оказываются метанормы.

Наличие фундаментальных абсолютно значимых оснований, лежащих за пределами любой ассоциации, в свою очередь, проблематизирует плюрализм ценностно-нормативных установок и принципов. Каковы пределы автономии структурных элементов гражданского общества? Кто и как соотносит собственные основания ассоциаций с «базовыми»? Как возможны (и возможны ли) практики с ценностными основаниями, которые не соответствуют «базовым», а уж тем более противоречат им? Здесь чаще всего и возникает тема государства как регулятора гражданского общества, по-гегелевски снимающего противоречия частных интересов в интересе общем. Однако эгалитарное решение разрушает исходные посылы об автономии социальных практик и конвенциональности их ценностно-нормативных оснований. Альтернативный же подход приводит к тому, что получило название «утопии самоограничения» [10] – предположению, что сами автономные ассоциации добровольно отказываются от ценностей, противоречащих общим, базовым метанормам.

Не менее значимым представляется вопрос об обосновании базовых, фундаментальных ценностей: что, почему и как приобретает статус высшей ценности, претендующей на абсолютную значимость? Так ли несомненна апелляция именно к праву как единственному легитимирующему принципу при нормализации плюрализма социальных практик, возможных в рамках гражданского общества? Только ли право может занимать данную позицию?

Особенную остроту этим вопросам придает отсутствие консенсуса в понимании природы права. Исследователи выделяют несколько серьезно различающихся подходов. В качестве оснований, фундамирующих право, выступают, в частности, властные установления государства (юридический нормативизм), реально сложившиеся общественные отношения (социологизм), самодовлеющие нравственные ценности (естественно-правовая теория), нормативно-ценностные принципы личности (антропоцентризм), социальная конвенция (либертарно-юридический подход) [26]. При этом подчеркива-

ется, что «все понимания права столь же верны, сколь и оспоримы» [12], что вновь возвращает нас к проблемам ситуативности нормы и ее легитимации посредством консенсуса. Дискуссии продолжают. Их ход, системы аргументации участников и детали их самопозиционирования в теоретическом поле политической науки в идеологическом дискурсе достойны специального изучения.

Для рассматриваемой же темы важно то, что в конституирующих принципах гражданского общества, нормативизирующих ценностный плюрализм, заложены тенденции их самоотрицания, ведущие к отказу либо от плюрализма, либо от императивности норм. Представляется, что данные тенденции следует учитывать не только в теоретических исследованиях гражданского общества, но и при анализе реальных политических процессов современности — начиная от кризиса политики мультикультурализма и заканчивая беспрецедентным ростом институционального строительства и нормотворчества как на региональном, так и на глобальном уровне.

Список литературы

1. Байгутлин Р. И. Гражданское общество: к содержанию идеи / Р. И. Байгутлин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 5. – С. 9–14.
2. В поисках гражданского общества / под ред. К. Ф. Завершинского. – Великий Новгород : ИНО-центр, 2008. – С. 47–50.
3. Геллнер Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники / Э. Геллнер. – Москва : Московская школа политических исследований, 2004. – 240 с.
4. Грамши А. Тюремные тетради : в 3 ч. / А. Грамши. – Москва : Политическая литература, 1991. – Ч. 1. – 564 с.
5. Грандония К. А. Современное гражданское общество: понятие и признаки / К. А. Грандония // Информационная безопасность регионов. – 2010. – № 1. – С. 15–18.
6. Ерофеева П. А. Глобальное гражданское общество как реальность, нормативный конструкт и идеология / П. А. Ерофеева // Власть. – 2011. – № 11. – С. 127–129.
7. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – Москва : Интрада, 1996. – 256 с.
8. Касимова С. С. Гражданское общество: история идеи / С. С. Касимова, К. В. Ушакова // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 3. – С. 302–305.
9. Кин Дж. Демократия и гражданское общество : пер. с англ. / Дж. Кин ; пер. М. А. Абрамова. – Москва : Прогресс-Традиция, 2001. – 400 с.
10. Козн Дж. Л. Гражданское общество и политическая теория / Дж. Л. Козн, Э. Арато. – Москва : Весь мир, 2003. – С. 7–10.
11. Лебедева И. В. Толерантность и гражданское общество (на примере современной Германии) / И. В. Лебедева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2009. – № 4. – С. 15–20.
12. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О. Э. Лейст. – Москва : Зерцало-М, 2011. – С. 21.
13. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / А. Макинтайр. – Москва : Академический Проект, 2000. – С. 41–52.
14. Мартыненко В. В. Государство и гражданское общество – дихотомия или единство / В. В. Мартыненко // Вопросы философии. – 2011. – № 10. – С. 17–27.
15. Марченко М. Н. Гражданское общество: проблемы определения понятия и основные характеристики / С. Н. Марченко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Юриспруденция. – 2007. – Т. 1, № 1. – С. 3–14.
16. Мотрошилова Н. В. О современном понятии гражданского общества / Н. В. Мотрошилова // Вопросы философии. – 2009. – № 6. – С. 13–18.
17. Назарова В. С. История понятия «гражданское общество» в раннесовременную эпоху и его современное понимание / В. С. Назарова // Известия Южного Федерального университета. Сер. Технические науки. – 2008. – Т. 87, № 10. – С. 152–158.
18. Пляйс Я. А. Тема гражданского общества в диссертациях российских докторов и кандидатов политических наук / Я. А. Пляйс // Россия и современный мир. – 2003. – № 1. – С. 107–128.
19. Попов Е. А. Гражданское общество и постмодернизм / Е. А. Попов // Право и политика. – 2011. – № 2. – С. 266–272.
20. Поскокина О. В. Понятие «Гражданское общество» в свете методологического плюрализма постмодерна / О. В. Поскокина // Вестник Удмуртского университета. – 2012. – № 2–3. – С. 146–149.

21. Постмодернизм. Энциклопедия / сост. А. А. Грищанов, М. А. Можейко. – Минск : Интерпрессервис ; Книжный дом, 2001. – 1040 с.
22. Сморгунова В. Ю. Современный зарубежный социально-правовой и политический дискурс о гражданском обществе / В. Ю. Сморгунова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2004. – Т. 4, № 7. – С. 243–258.
23. Федорченко Е. Н. Гражданское общество как угроза государству / Е. Н. Федорченко // Информационные войны. – 2011. – № 1. – С. 71–77.
24. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью / Ю. Хабермас. – Москва : Камп, 1995. – 244 с.
25. Хабермас Ю. Политические работы : пер с нем. / Ю. Хабермас ; пер. Б. М. Скуратова. – Москва : Праксис, 2005. – 368 с.
26. Хмелевская С. А. Современная российская теория права: поиски новых философских оснований / С. А. Хмелевская // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2012. – № 1. – С. 31–37.
27. Цыро И. В. Механизм взаимодействия глобального и национального гражданских обществ / И. В. Цыро // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 10. – С. 248–255.
28. Честнов И. Л. Концепт «гражданское общество» в контексте постклассической эпистемологии / И. Л. Честнов // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2013. – № 1. – С. 6–10.
29. Штраус Л. Введение в политическую философию : пер. с англ. / Л. Штраус ; пер. М. Фетисова. – Москва : Логос ; Праксис, 2000. – 364 с.
30. Alternative Conceptions of Civil Society / S. Chambers, W. Kymlicka. – Princeton : Princeton University Press, 2002. – 237 p.
31. Anheier H. K. Civil Society. Measurement, Evaluation, Policy / H. K. Anheier. – London : Sterling, 2004. – 239 p.
32. Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy / J. Habermas. – Cambridge : MIT Press, 1996. – 631 p.
33. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft / J. Habermas. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1990.
34. Schmidt J. Zivilgesellschaft. Bürgergesellschaftliches Engagement von der Antike bis zur Gegenwart / J. Schmidt. – Hamburg : Rowohlt Verlag, 2007.
35. The encyclopedia of political science / G. T. Kurian, S. Chambers, G. Garrwt. – Washington : CQ Press, 2011. – P. 244.

References

1. Baygutlin R. I. Grazhdanskoe obshchestvo: k sodержaniyu idei [Civil society: the content of ideas]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2013, no. 5, pp. 9–14.
2. *V poiskah grazhdanskogo obshchestva* [In search of civil society]. Ed. by K. F. Zavershinskiy. Velikiy Novgorod, INO-press Publ., pp. 47–50.
3. Gellner E. *Usloviya svobody: grazhdanskoe obshchestvo i ego istoricheskie soperniki* [Conditions of Liberty. Civil Society and Its Rivals]. Moscow, Moscow School of Political Studies Publ., 2004, 240 p.
4. Gramshi A. *Tyuremnye tetradi* [Prison Notebooks]. Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1991, part 1, 564 p.
5. Grandonyan K. A. Sovremennoe grazhdanskoe obshchestvo: ponyatie i priznaki [Modern civil society: the concept and features]. *Informatsionnaya bezopasnost regionov* [Information security regions], 2010, no. 1, pp. 15–18.
6. Yerofeeva P. A. Globalnoe grazhdanskoe obshchestvo kak realnost, normativnyy konstrukt i ideologiya [Global civil society as a reality, the normative construct and ideology]. *Vlast* [Governance], 2011, no. 11, pp. 127–129.
7. Ilin I. P. *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstruction. Postmodernism]. Moscow, Intrada Publ., 1996, 256 p.
8. Kasimova S. S., Ushakova K. V. Grazhdanskoe obshchestvo: istoriya idei [Civil Society: History of the Idea]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2012, no. 3, pp. 302–305.
9. Kin Dzh. *Demokratiya i grazhdanskoe obshchestvo* [Democracy and Civil Society]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001. 400 p.

10. Cohen J. L., Arato E. *Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya* [Civil society and political theory]. Moscow, Ves mir Publ., 2003, pp. 7–10.
11. Lebedeva I. V. Tolerantnost i grazhdanskoe obshchestvo (na primere sovremennoy Germanii) [Tolerance and civil society (for example, modern Germany)]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economy, Culture], 2009, no. 4, pp. 15–20.
12. Leyst O. E. *Sushchnost prava. Problemy teorii i filosofii prava* [Summary law. Problems of the theory and philosophy of law], Moscow, Zertsalo-M Publ., 2011, p. 21.
13. Makintayr A. *Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali* [After Virtue. A Study of Moral Theory]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2000, pp. 41–52.
14. Martynenko V. V. Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo – dikhotomiya ili edinstvo [State and Civil Society – dichotomy or unity]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 2011, no. 10, pp. 17–27.
15. Marchenko M. N. Grazhdanskoe obshchestvo: problemy opredeleniya ponyatiya i osnovnye kharakteristiki [Civil society: the problem definition and basic characteristics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Yurisprudentsiya* [Bulletin of Moscow State Regional University. Jurisprudence series], 2007, vol. 1, no. 1, pp. 3–14.
16. Motroshilova N. V. O sovremennom ponyatii grazhdanskogo obshchestva [On the modern concept of civil society]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 2009, no. 6, pp. 13–18.
17. Nazarova V. S. Istoriya ponyatiya «grazhdanskoe obshchestvo» v rannesovremennuyu epokhu i ego sovremennoe ponimanie [History of the concept of "civil society" in rannesovremennuyu era and its modern understanding]. *Izvestiya Yuzhnogo Federalnogo universiteta. Seriya Tekhnicheskie nauki* [Southern Federal University. Engineering Series], 2008, vol. 87, no. 10, pp. 152–158.
18. Plyays Ya. A. Tema grazhdanskogo obshchestva v dissertatsiyakh rossiyskikh doktorov i kandidatov politicheskikh nauk [Subject of civil society in dissertations Russian doctors and candidates of political science]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world], 2003, no. 1, pp. 107–128.
19. Popov Ye. A. Grazhdanskoe obshchestvo i postmodernizm [Civil society and postmodernism]. *Pravo i politika* [Law and Policy], 2011, no. 2, pp. 266–272.
20. Poskonina O. V. Ponyatie «Grazhdanskoe obshchestvo» v svete metodologicheskogo plyuralizma postmoderna [The concept of "civil society" in the light of methodological pluralism postmodern]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University], 2012, no. 2–3, pp. 146–149.
21. Gritsanov A. A., Mozheyko M. A. (ed.) *Postmodernizm. Entsiklopediya* [Postmodernism. encyclopedia], Minsk, Interpressservis Publ., Knizhnyy dom Publ., 2001.
22. Smorgunova V. Yu. Sovremennyy zarubezhnyy sotsialno-pravovoy i politicheskii diskurs o grazhdanskom obshchestve [Modern foreign social, legal and political discourse on civil society]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen], 2004, vol. 4, no. 7, pp. 243–258.
23. Fedorchenko Ye. N. Grazhdanskoe obshchestvo kak ugroza gosudarstvu [Civil society as a threat to the state]. *Informatsionnye voyny* [Information Warfare], 2011, no. 1, pp. 71–77.
24. Khabermas Yu. *Demokratiya. Razum. Nравstvennost: Moskovskie lektzii i intervyyu* [Democracy. Mind. Morality: Moscow lectures and interviews], Moscow, Kamp Publ., 1995. 244 p.
25. Khabermas Yu. *Politicheskie raboty* [Political Work], Moscow, Praksis Publ., 2005. 368 p.
26. Khmelevskaya S. A. Sovremennaya rossiyskaya teoriya prava: poiski novykh filosofskikh osnovaniy [Modern Russian legal theory: the quest for new philosophical foundations]. *Chemnye dyry v Rossiyskom zakonodatelstve* [Black Holes in the Russian Legislation], 2012, no. 1, pp. 31–37.
27. Tsyro I. V. Mekhanizm vzaimodeystviya globalnogo i natsionalnogo grazhdanskikh obshchestv [The mechanism of interaction of global and national civil societies]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy* [Scientific Problems Humanities Research], 2010, no. 10, pp. 248–255.
28. Chestnov I. L. Kontsept «grazhdanskoe obshchestvo» v kontekste postklassicheskoy epistemologii [The concept of "civil society" in the context of post-classical epistemology]. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil society in Russia and abroad], 2013, no. 1, pp. 6–10.
29. Shtraus L. *Vvedenie v politicheskuyu filosofiyu* [Introduction to Political Philosophy], Moscow, Logos Publ., Praksis Publ., 2000, 364 p.
30. Chambers S., Kymlicka W. *Alternative Conceptions of Civil Society*. Princeton, Princeton University Press Publ. House, 2002, 237 p.
31. Anheier H. K. *Civil Society. Measurement, Evaluation, Policy*. London, Sterling Publ., 2004, 239 p.
32. Habermas J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, MIT Press Publ. House, 1996, 631 p.

33. Habermas J. *Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*, Frankfurt am Main, Suhrkamp Publ., 1990.

34. Schmidt J. *Zivilgesellschaft. Bürgergesellschaftliches Engagement von der Antike bis zur Gegenwart*. Hamburg, Rowohlt Verlag Publ., 2007.

35. Kurian G. T., Chambers S., Garrwt G. *The encyclopedia of political science*. Washington, CQ Press Publ., 2011, p. 244.

ПОЛЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЙНЫ

Соловьев Алексей Васильевич, кандидат философских наук, доцент

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, 27
E-mail: alexol.ross.msc@mail.ru

Предметом статьи является полемологическая парадигма исследования феномена войны. Цель работы заключается в анализе данной парадигмы с точки зрения ее теоретической и методологической составляющих. В статье использованы различные методы: содержательного анализа и интерпретации научных текстов, компаративный анализ различных концепций по проблеме войны. Выбор предмета обусловлен тем, что полемологическая парадигма исследования войны, признанная в Европе и за ее пределами в течение второй половины XX столетия была востребована и признана во многих странах Западной Европы. Полемология предложила достаточно стройную концепцию и методологию, которая позволила отражать реальные процессы, влияющие на возникновение войн и военных конфликтов. Теоретические и методологические установки этой науки в значительной степени повлияли на становление современных подходов в исследовании феномена войны. Многие из ее представителей в настоящее время являются самостоятельными исследователями, использующими опыт, полученный в рамках французской школы полемологии. Результатом работы является вывод об актуальности проблематики, а также в определенных пределах методов данной науки. Областью применения результатов исследования могут быть политическая наука, конфликтология, социальная философия, военная наука.

Ключевые слова: война, полемология, французская школа полемологии, полемологическая парадигма, исследование войны, факторы войны, структуры, конъюнктуры, демографическая инфляция, агрессивность, враждебность, воинственные импульсы, взрывная структура, демографическое расслабление, отсроченное детоубийство, функции войны

POLEMOLOGICAL PARADIGM STUDY WAR

Solovev Aleksey V., Ph.D. (Philosophy), Associate Professor

Lomonosov Moscow State University
27 Lomonosovskiy av., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: alexol.ross.msc@mail.ru

The subject of the article is polemological paradigm research the phenomenon of war. The purpose of the work consists in the analysis of this paradigm from the point of view of its theoretical and methodological components. The article used a variety of methods: in-depth analysis and interpretation of research texts, comparative analysis of the different concepts on the issue of war. The choice of the subject due to the fact that polemological paradigm for the study of war recognised in Europe and abroad in the second half of the twentieth century was required and recognized in many countries of Western Europe. The polemology proposed sufficiently coherent concept and methodology that has allowed to reflect real processes occurring influencing the origin of wars and military conflicts. Theoretical and methodological setting of this science have greatly influenced the formation of contemporary approaches to the study of the phenomenon of war. Many of its representatives at the present time are independent researchers, using the experience gained in the framework of the French school of polemology. Result is the conclusion about the relevance of